

DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-406-415

УДК 81

ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ БИЛИНГВАЛЬНОЙ ЛИЧНОСТИ (НА ОСНОВЕ ДНЕВНИКОВ О.В. ДАВЫДОВОЙ)

М. Дебрени

Новосибирский национальный исследовательский государственный университет
ул. Пирогова, д. 1, Новосибирск, Россия, 630090

Данная работа входит в цикл работ о дневниках, написанных на французском и русском языках Ольгой Ивановной Орловой-Давыдовой (1813—1876), хранящихся в ГПНТБ г. Новосибирска. Из примерно двадцати общих тетрадей мемуарного наследия пять написаны на французском языке. Они представляют собой авторизированные и исправленные копии оригиналов, в которых на основе девиатологического анализа ошибок и исправлений мы различаем автора, переписчика, проверяющего и исправляющего. В статье рассмотрен уровень владения французским языком данной диаристики, ее типичные ошибки, маркеры транскодирования между русским и французским языками (а также другими языками). Итогом исследования является вывод о том, что люди круга О.И. Орловой-Давыдовой не практиковали переключение кодов, так как их уровень владения французским, английским и/или немецким языками был высоким вследствие иммерсивного их использования (раннее обучение методом «гувернантки» (по Л. Щербе), постоянная практика, включающая обучение, чтение и путешествия).

Ключевые слова: переключение кодов, двуязычие, освоение иностранных языков, речевые ошибки, дневники, русская аристократия

1. ВВЕДЕНИЕ

В работе представлен проект и первые результаты исследования дневников графини О.И. Орловой-Давыдовой (урожд. Барятинской, 1814—1876, далее О.И.). В распоряжении группы исследователей из НГУ находится шесть общих тетрадей (ОТ), содержащих дневниковые записи за 1834—1870-е гг. и написанных преимущественно на французском языке. Как стало очевидно при анализе содержания тетрадей, они являются копиями с оригиналов, хранящихся в РГБ. Предположительно работа над дневником велась следующим образом.

Автор-билингв О.И. записывала с определенной регулярностью события своей жизни, собственные размышления и переживания. В случае путевых заметок она, возможно, опиралась на краткие записки, не дошедшие до нас. По ходу написания она исправляла допущенные ошибки, а также редактировала свой текст: мы видим исправления обоих видов. Тем не менее текст содержит некоторое количество ошибок (орфографических, грамматических, лексических) на французском языке.

В определенный момент данные тетради были кем-то скомпилированы и переписаны в общие тетради (по 240 страниц каждая). На данном этапе исследова-

ния мы не можем сказать, кем и когда тетради были переписаны. Почерк переписчика — каллиграфический как во французском, так и в русском вариантах рукописей — отличается от почерка О.И. По языковым характеристиками «переписчик» также билингв. В некоторых случаях при переписывании он/она исправил(-а) ошибки автора, но при допустил(-а) свои (как языковые, так и технические, когда пропущено слово или целый фрагмент текста). Так же, как и автор, переписчик мог заметить ошибку и тут же исправить ее, не нарушая общую каллиграфичность текста.

Переписанные тетради, можно полагать, предназначались для чтения другими лицами: мужем О.И. Владимиром (владеющим, помимо французского и русского, еще и английским языком, на котором он вел свой дневник, и итальянским), другими членами ее большой семьи. При чтении иногда возникали вопросы, вызванные ошибками переписчика, в особенности пропусками. Отсюда появление в переписанных тетрадях вопросительных знаков карандашом.

Наконец, человек, имеющий доступ к оригиналам, произвел правку переписанных тетрадей, внес пропущенные фрагменты, исправил грамматические, лексические, орфографические, а также фактологические ошибки. Однако в некоторых случаях и этот редактор допустил свои ошибки. На основе анализа почерка исправлений, а также сути изменений, внесенных в текст, мы полагаем, что эту работу могла выполнить сама О.И.

Сопоставление оригиналов дневников (хранящихся в РГБ) и копий позволило нам сделать вывод о том, что уровень владения французским языком автора (О.И.) и переписчика сопоставимы. Переписчик не исправил ошибки автора и допустил свои только в тех случаях, когда сложно было разобрать личное имя, написанное неразборчиво в конце строки. Поэтому мы считаем, что предложенный в этой работе анализ девиатологического материала (ошибки и исправления в оригиналах и в копиях) позволит нам выстроить языковой портрет этой билингвальной личности наряду с предстоящим анализом авторской лексики и фиксации в дневниках примеров действия механизма переключения кодов.

2. ОБСУЖДЕНИЕ И МЕТОДЫ

2.1. Девиатологический анализ

Приведем анализ девиатологического материала для одной общей тетради (единица хранения 601-2). В ней встречаются орфографические и грамматические ошибки. Напомним, что мы говорим здесь об ошибках, отмеченных в переписанных тетрадях, и нам пока трудно различать ошибки самой О.И. и ошибки переписчика.

В тексте ОТ мы встречаем различные виды орфографических ошибок, не исправленных впоследствии переписывающим или проверяющим (всего 120 ошибок, 86% от общего количества). Наиболее частотны ошибки в употреблении диакритики (34 ошибки). Гораздо менее частотны лишние *s* и *t* в конце слова (13 ошибок), ошибки в написании глагольных форм (12 ошибок), одна согласная вместо двух (11 ошибок), две согласные вместо одной (8 ошибок). Совсем редкими оказались ошибки в написании корневого морфа (6 ошибок), пропуски не-

мого *e* в конце слова (5 ошибок), лишнее *e* в конце слова (5 ошибок), ошибки в передаче на письме гласного звука (5 ошибок), интерпретации топонимов (5 слов), пропуски немого конечного согласного (4 ошибки).

Незначительное количество составляют ошибки, связанные с неоправданной заменой гласного в словах (3 ошибки), неоправданной заменой согласного в топонимах и антропонимах (3 ошибки), неправильной передачей носового гласного звука (смешение AN/EN, AIN/EIN) (3 ошибки), со слитным написанием двух слов (2 ошибки), с отдельным написанием слова (1 ошибка).

Особенно интересен пример на с. 34 ОТ-2. В одной записи в трех разных вариантах присутствует один и тот же топоним: *Chamoinie — Chamounie — Chamounix*. На наш взгляд, это доказывает, что человек, который переписал этот текст, не был знаком с этим топонимом (т.е. это не О.И.).

Всего грамматических ошибок, допущенных в тексте ОТ, но не исправленных переписывающим или проверяющим, — 30 (14% от общего количества).

Чаще всего встречаются ошибки, проявляющиеся в отсутствии обязательного согласования причастия в формах прошедших времен с глаголом *avoir* при прямом дополнении перед причастием (5 ошибок), в отсутствии грамматического показателя множественного числа (4 ошибки), в неправильном выборе рода прилагательного (4 ошибки).

Менее частотны ошибки, проявляющиеся в использовании причастия прошедшего времени вместо инфинитива и наоборот (3 ошибки), в отсутствии обязательного согласования причастия в формах прошедших времен с глаголом *être* (2 ошибки), неоправданном согласовании причастия в формах прошедших времен с глаголом *avoir* (2 ошибки), отсутствии обязательного согласования причастия в пассивной форме (2 ошибки), неправильном выборе рода существительного (2 ошибки).

Практически не встречаются ошибки, проявляющиеся в отсутствии обязательного согласования причастий в возвратных формах глагола (использование форм м.р. вместо форм ж.р.) (1 ошибка), использовании неправильного глагольного управления (1 ошибка), неправильном употреблении артиклей (1 ошибка), употреблении неверного вспомогательного глагола в составной конструкции прош. вр. (1 ошибка), употреблении неверного глагольного наклонения (1 ошибка), неверном употреблении предлога (1 ошибка).

В ходе анализа в ОТ-2 было выявлено 93 исправления нескольких типов. По характеру исправления можно четко разделить на два типа. Анализ исправлений можно увидеть в [1].

2.2. Сопоставление ошибок О.И. Давыдовой на французском языке с ошибками современных носителей русского языка, изучающих французский язык

Язык и стиль дневников О.И. полностью зависели от авторской целеустановки. Все записи могут быть условно распределены по трем группам:

- 1) путевые заметки, в которых, часто в телеграфном стиле, просто перечислены места, посещенные автором, и кратко изложены впечатления увиденного;
- 2) бытовые заметки, описывающие действия автора в течение дня;

3) тексты духовно-мистического содержания, в которых автор обращается к Богу. Записей последнего типа особенно много после скоростижной смерти младшей сестры О.И. — Марии в 1843 г.

В языковом отношении эти тексты не равноценны. Синтаксис текстов последнего типа намного богаче, чем синтаксис текстов первых двух групп: предложения в таких записях, часто осложненные; в лексическом же плане путевые и бытовые заметки интереснее и содержат большое количество иностранных слов, в частности, топонимов.

В данной работе нас интересуют прежде всего отклонения от языковых норм, допущенные О.И. в ее французских записях.

Типов ошибок в индивидуальной письменной речи О.И. не так много — всего 25, к тому же некоторые типы представлены единичными примерами. Для сравнения укажем, что в письменных работах современных русских студентов, изучающих французский язык на продвинутом уровне обучения, выявляется до 140 различных типов и до 550 частных подтипов ошибок [2]. Самыми же частотными ошибками О.И. стали следующие:

— в разряде орфографических: неоправданное удвоение согласного или, наоборот, замена сдвоенных согласных одним;

— в разряде грамматических: ошибки в согласовании причастий прошедшего времени со вспомогательным глаголом *avoir* (неоправданное согласование в тех случаях, когда это не нужно, и, наоборот, отсутствие обязательного согласования при прямом дополнении перед причастием).

В дневниковых записях О.И. мы не находим тех ошибок, которыми изобилуют работы современных русских студентов, а именно ошибок в употреблении артиклей. По имеющимся данным, использование носителями русского языка артикля во французском языке всегда сопровождается большим количеством отклонений от нормы. Так, по данным нашей объемной картотеки, среди ошибок, допущенных современными русскими студентами, ненормативные употребления артиклей составляют более 13%. Однако у О.И. нет ни одной ненормативной мены определенного артикля на неопределенный (и наоборот), нет неоправданного пропуска артикля или неоправданного его ввода, в том числе в конструкциях типа *N de N*.

Единичны в письменной речи О.И. ошибки в выборе рода существительного, хотя ошибки в выборе родового категориального признака типичны для речи любого иностранца, говорящего по-французски: род французских субстантивов семантически не мотивирован и морфологически слабо маркирован.

Среди типичных ошибок, допускаемых носителями русского языка во французском языке, нужно также отметить неправильный выбор предлога при глаголе (в нашей картотеке такие ошибки составляют 5,7%). Управление французского глагола другими частями речи не поддается никакой логике и не совпадает ни с предложным, ни с беспредложным управлением в русском языке. У Давыдовой же мы находим всего лишь 3 примера неправильной конструкции с глаголом *aider* — использование косвенного дополнения вместо прямого: *pouvoir lui aider (l'aider)* (не имея возможности ему помочь (запись от 30 авг. 1836 г.)). В этом случае очевидна интерференция с русским глаголом (*помогать кому*), ставшим «ли-

дером» среди «провокаторов» ошибок и в речи наших современных студентов. Но во всех остальных случаях Давыдова никогда не ошибалась.

У Давыдовой также нет ошибок в выборе временных форм (в частности, при согласовании времен, в использовании видо-временных различий французских глаголов), в выборе форм наклонения, залога. За редким исключением нет и пропуска показателей множественного числа. Пунктуационные ошибки у О.И. также отсутствуют, и это неудивительно, если учесть, что французская пунктуация менее строгая, чем русская. Но у Давыдовой нет и тех «излюбленных» дополнительных запятых между предложениями в составе сложноподчиненного, которыми изобилуют работы современных студентов — носителей русского языка.

В целом, мы приходим к выводу, что допущенные О.И. нарушения языковых норм не сопоставимы с ошибками современных русских студентов, изучающих французский язык в условиях школы или университета. Можно ли тогда сравнить ошибки О.И. с теми, которые допускают сами франкофоны?

Грамматические ошибки, допущенные О.И., — это прежде всего ошибки в согласовании причастий прошедшего времени со вспомогательным глаголом *avoir*. Носителям французского языка также плохо дается правило согласования причастия с предшествующим прямым дополнением. О.И. таких ошибок допущено довольно много: *Melle Guinet les avait rencontré (rencontrés)* (Мадемуазель Гинэ их встретила (запись от 19/24 сент. 1835 г.)). Это правило дается О.И. с большим трудом, тем более что тут возникает интерференция с русским, родным, языком: О.И. имеет тенденцию согласовать причастие с подлежащим «на русский манер» (а не «по-французски» — с прямым дополнением), причем даже тогда, когда это не нужно: *Kitty acorrigée mon thème italien* (должно быть *corrigé*) (Китти проверила мой перевод на итальянский (запись от 19 окт. 1830 г.)). Все это приводит к возникновению оригинальных ошибок, например: *En arriv antchez Maman nous l'avons trouvé strèsinquiète (trouvée)* (По приезде мы нашли маму очень взволнованной (запись от 24/5 окт. 1835 г.)), или *Maman a Dieu merci bien dormie (dormi)* (Слава Богу, мама хорошо спала (*ibidem*)) при неизменяемом причастии *dormi*. Мы считаем, что данная, типично «французская», ошибка у О.И. осложнена интерференцией с русским языком.

Другая ошибка, сближающая французскую речь О.И. с речью самих франкофонов, — замена инфинитива причастием: *il ne sava it pastro pou la placée (placer)* (он не очень-то и знал, куда ее поместить). Русские студенты такого рода ошибки допускают очень редко (13 случаев из 7000), наверное, потому, что, переводя мысленно с русского на французский, они не могут смешать инфинитив *поместить* с причастием *помещенный*. Зато французы постоянно допускают такую ошибку с глаголами первой группы из-за их омофонии.

Орфографических ошибок у О.И. очень мало. Так, она практически не ошибается в использовании диакритики, и это отличает ее тексты как от текстов современных русских студентов, способных не только забыть об обязательных диакритических знаках, но и добавить лишние диакритические знаки, так и от текстов самих французов, часто игнорирующих элементы диакритики. Явным слабым звеном в орфографии О.И. являются сдвоенные согласные. Некоторые слова она почти всегда пишет с ошибкой: *allarme (alarme)* (тревога), *comunier (communier)*

(причащаться). Но и эта черта ее орфографии не отличается от типичной французской: согласно исследованиям, ошибки на sdвоенные согласные, допускаемые французами, составляют до 17% от общего количества всех орфографических ошибок. Если учесть, что других ошибок О.И. не допускает, это можно считать характерной чертой ее французской письменной речи.

Лексических ошибок у нее также мало. Иногда она смешивает омофоны (например, *éthique/étique* (этический/худющий), *chair/chaire* (плоть/кафедра)). Нельзя не отметить в ее текстах и некоторые устойчивые русские семантические кальки: *à uneheuredelanuit (une heure du matin)* (в час ночи), *mon jour de naissanc e (mon anniversaire)* (мой день рождения), *je me suis occupéetoute la journée (j'aitravaillé)* (я занималась (имеется в виду уроками) училась весь день), *rencontré la nouvelle année (fêté la nouvelle année)* (встретить Новый год). О.И. также допускает устойчивую и в наше время ошибочную кальку *me féliciter avec la nouvelle année (souhaiter une bonne année)* (поздравить меня с Новым годом).

Отдельно остановимся на выполненных О.И. исправлениях собственных ошибок. Помимо добавленных при переписывании слов и даже фрагментов предложений, такие исправления касаются личных окончаний глаголов (*je serais, nous serons*) и имен во множественном числе (*chaquesoirs, des chevaux de postes*), правильного выбора офомона (*qu'elle/quelle, s'est/c'est, scène/cène, prêt/près*), написания sdвоенных согласных (*immité, raison + n + ement*), согласования причастных форм (*jet'ai écrite, nous nous sommes couché + s*). Некоторые исправления неоправданны (там, где исходная форма была правильной) и, наоборот, вносят ошибку: *la matiné es'est passée* исправлено *passé* (утро прошло (запись от 11/23 сент. 1835 г.)). Другой случай требовал исправления, но оно не было завершено: *Grand-Maman craint quietune t'ennuye rasquand même* исправлено *t'ennuye*, а нужно *t'ennuyes* (бабушка боится, как бы ты не заскучал (запись от 19/28 авг. 1830 г.)). Одно из исправлений полностью искажает смысл предложения и делает его абсурдным: это можно понять лишь в том случае, если исправления вносились намного позже, когда исходный замысел был забыт, или выполнялись вообще другим лицом, что не исключено, учитывая различия почерков (исправления сделаны более мелким и неровным почерком): слово *автограф*, написанное *othographe* (вместо *autographe*) было исправлено на *orthographe* (*орфограф), отчего высказывание с перечислением предметов, хранящихся в веймарском доме И.В. Гёте, стало абсурдным: *une collection de porcelaine sanciennes <...> d'orthographes de Voltaire* (коллекция старинного фарфора <...> и *орфографов Вольтера (запись от 10/22 июня 1836 г.)). Заметим, что в двух других случаях это слово написано правильно. Необходимо подчеркнуть, что после исправлений О.И. Давыдовой грамматических омофонов, неправильных глагольных окончаний и показателей множественного числа ошибок в дневниках практически не осталось, хотя в ранних записях неправильные согласования могли быть пропущены.

В целом, насыщенность ошибками дневников невелика. В текстах за 1830 г. она составила примерно одну ошибку на тетрадный лист. В последующих записях (за 1834 г.) ошибок и исправлений еще меньше, и они составили одну ошибку на три-четыре страницы. Меньше всего отклонений от норм и исправлений в дневниках за 1843 г., но затем количество ошибок вновь увеличивается и сохраняется

в соотношении одна ошибка на тетрадный лист (несмотря на то, что листы, как уже писалось, *проверены*). Можно сказать, что французская письменная речь О.И. претерпела определенную эволюцию: в 1830-е гг. количество грамматических ошибок, главным образом в согласовании причастий, относительно велико, затем их число уменьшается, почти полностью исчезают ошибки типа «необоснованное согласование причастия с глаголом *avoir*», а отклонения в согласовании причастий в формах прошедших времен с глаголом *avoir* при прямом дополнении перед причастием фактически исчезают. Но позже, после сильного духовного кризиса, пережитого Ольгой Ивановной, и несмотря на то, что она продолжала жить в Париже до весны 1844 г., в ее текстах появляются новые типы ошибок, в частности варваризмы (например, *hospitablement* — семантическая калька с русского *гостеприимно*, запись от 16/28 авг. 1844 г.), погрешности в личных глагольных формах: *onprît (prie)* (молятся), *jeparis (parie)* (держу пари), *nous y trouvont (trouvons)* (мы находим там). Удивительно в этом отношении ее написание слов *dîner* (ужин) и *déjeûner* (обед): в первых дневниках она постоянно их пишет как *dîné* и *déjeûné* (т.е. как субстантивированные причастия), затем в течение нескольких лет пишет правильно, а начиная с 1844 г. опять устойчиво неправильно. Возросшее количество ошибок при переписывании создает впечатление некоторой небрежности, которую можно объяснить тем, что в 1844—1845 гг. О.И. была занята больше светскими приемами, нежели чтением и изучением языков.

Таким образом, можно утверждать, что О.И. знала французский язык в совершенстве и допускала в своих дневниковых записях небольшое количество ошибок, характерных скорее для франкофона, чем для иностранца. Можно также предположить, что ее орфография ничем не уступала орфографии ее современников-французов. В той среде, в которой она вращалась, такое положение дел скорее было правилом, чем исключением. Стоит также отметить, что ни одна ошибка О.И. не искажает звуковой образ слов, и можно предположить, что ее устная речь была безупречной. Некоторые из ее ошибок доказывают это: она пишет *vraissemblable (vraisemblable)* (вероятный), отображая на письме произношение. Даже забывая согласовать причастие во множественном числе, она все равно пишет *nous nous sommes mis à table (mises)* (мы сели за стол), т.е. в устной речи она правильно и, скорее всего, автоматически, не задумываясь, выполняла согласование, ведь если бы она не делала этого, причастие звучало бы как [mi], а не как [miz]. Орфографических ошибок, искажающих звучание слов, было найдено только две: очень распространенная и среди современных русских студентов ошибка *religion (religion)* (религия) и *prière des agonissants (agonisants)* (отходная молитва (запись от 22 сент./2 окт. 1844 г. С. 155.)).

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Дневники О.И. Давыдовой как свидетельство ее многоязычия

Характерным явлением билингвизма и плюрилингвизма является свободный переход от одного языка к другому, особенно во время общения с «себе подобными» — другими билингвами или плюрилингвами. Иноязычные вкрапления во франкоязычных тетрадях О.И. в основном представлены русскими единицами,

хотя встречаются и английские, и отдельные слова на немецком или итальянском. Они представлены как целыми высказываниями, так и отдельными словами. В виде целых высказываний приведена, например, речь ее маленьких детей: *Как хорошо если бы у маменьки было теперь молоко для Катеньки. Я буду Бога просить, дай Бог маменьке молоко, дай Бог дай Бог* (слова дочери На[та]лии после рождения сестренки). По мере того как дети подрастают, их слова приводятся по-французски: очевидно, в младенчестве дети говорили на русском и только потом начинали учить иностранные языки с гувернанткой. Встречаются также высказывания русской прислуги (*Владимир Петрович приехал*) или нежные слова, обращенные к мужу в те периоды, когда его нет рядом, например: *Душа моя, когда я поцелую тебя пламенно, так пламенно, как я тебя люблю. Да благословит тебя наш Отец, который Один знает всю мою любовь к тебе* (запись от 14 янв. 1834 г.). Все иноязычные вставки подчеркнуты.

Кроме отдельных высказываний-вкраплений, чаще всего мы находим изолированные слова: топонимы, личные имена, реалии.

Русские топонимы обычно даются по-русски (*Воскресенск, Архангельский*) за исключением самых распространенных, таких, как французские названия Санкт-Петербурга или Москвы. Вследствие этого иногда в одном высказывании соседствуют *Petersbourg* и *Царское Село*. По возможности О.И. использует французский вариант топонима. Это касается не только русских наименований городов, но и немецких, итальянских: например, она пишет *Francfort, Mayence*, а не *Frankfurt* или *Mainz*.

Интересно заметить, что О.И. не всегда последовательна в своих решениях: имена родных и близких она всегда пишет по-французски (*Wladimir, Léonille*), даже когда это русские уменьшительно-ласкательные имена детей (*Nalie, Katinka*), но некоторые имена остаются в русском написании, например *отец Григорий*. Чаще всего имя одного и того же человека у нее всегда одинаково написано. Например, художник *Айвазовский* — всегда по-русски, а *Брюллов* — по-французски (*Brullov*). Сложные для транскрибирования фамилии типа *Хвощинский* она никогда по-французски не пишет.

Реалии могут быть написаны как по-русски (*терема*), так и по-французски, в транскрипции (*téléga*), однако первых в четыре раза больше. Французскими (латинскими) буквами написаны слова, обозначающие средства передвижения (*возок, телега, дрожки, кибитка*), различные реалии быта (*корчма, балаганы*), предметы одежды (*кокошник*) и один орнитоним (*баклан*).

Подавляющее большинство тех слов, которые написаны кириллицей, относятся к религиозной лексике: *всенощная, дьякон, протопоп, сочельник, молебен, христосоваться, заутреня, панихида* и т.п. Встречаются некоторые названия блюд: *уха, блины, збитень* (в такой орфографии), *пряники*. Есть названия художественных произведений.

Тем не менее нельзя сказать, что использование французского или русского языка у О.И. очень систематично: например, на одной странице слово *чуваши* может быть написано и по-русски, и по-французски, *тройка* по-русски, а *tarantasse* по-французски, *новейник* по-русски, а *kakochnik* по-французски.

Наши наблюдения позволяют заключить, что, скорее всего, люди круга О.И. не имели привычки переключаться с одного языка на другой. Русские вкрапления в ее дневниках ограничиваются цитированием действительно произнесенных по-русски слов детей и прислуги, топонимикой, некоторыми фамилиями, французское написание которых означает, вероятно, что эти имена произносились «на французский манер», с ударением на последнем слоге, а также реалиями, которые действительно относятся к непереводаемым словам: слова *telègue* или *drozhki* были заимствованы французским языком [3]. А тот факт, что религиозная лексика осталась полностью на русском, скорее всего, доказывает, что вся духовная сторона жизни осмысливалась на этом языке.

Проведенное исследование проливает свет на языковые аспекты дневниковых записей «чистого» билингва, какой была О.И., изучившего французский язык в детстве «методом гувернантки» [4]. Однако для составления ее полного языкового портрета нам предстоит исследовать языковые особенности, ошибки и исправления ее оригинальных тетрадей, а также русскоязычных фрагментов дневников.

© Дебрэнн М., 2017

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Дебрэнн М. Сопоставительный девиатологический анализ переписанных дневников О.И. Давыдовой и первичных текстов // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2016. Т. 14. Вып. 3. С. 59—75.
2. Debrenne M. Les erreurs de français des russophones Limoges: Lambert-Lucas, 2011. 165 p.
3. Иванова Е.А. Русская лексика как источник пополнения французского словаря и дискурса XV—XX вв. (Системно-функциональный аспект): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Барнаул, 2003.
4. Щерба Л.В. Преподавание иностранных языков в средней школе. Общие вопросы методики. М.: Высшая школа, 1974.

Финансирование:

Работа проведена с финансовой поддержкой РГНФ проект (№ 16-24-08001).

История статьи:

Поступила в редакцию: 15.03.2017

Принята к публикации: 26.05.2017

Модератор: О.А. Валикова

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования :

Дебрэнн М. Языковой портрет билингвальной личности (на основе дневников О.И. Давыдовой) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2017. Т. 14. № 3. С. 406—415. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-406-415

Сведения об авторе:

Дебрэнн Мишель — доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка Гуманитарного института Новосибирского национального исследовательского государственного университета. E-mail: micheledebrenne@gmail.com

THE FRENCH LANGUAGE IN THE DIARIES OF OLGA DAVYDOVA AS A BASE FOR BILINGUAL PERSON'S LINGUISTIC PORTRAIT

M. Debrenne

Novosibirsk State University
Pirogov 1, Novosibirsk, Russia, 630090

This paper is a part of a research on diaries written in French and Russian by Olga Davydova (1813–1876) which are located in the Scientific Technological Library of Novosibirsk. Amongst 20 copybooks, five are in French. They are authorized and proofed copies of originals, in which we can distinguish the author, the copyist, the checker and the corrector, using the analysis of errors and corrections in the text. In this paper we present the level of correctness in French, typical errors and transcoding markers between French and Russian, with some elements of others languages of the author. Our conclusions are that the people from O.I. Davydova's social circle didn't use language switching and their level of French, as also English and German, was quite high, not only because of their early learning (the so-called "gouvernante method") but also because of lifelong learning, reading and travelling.

Key words: code-switching, bilingualism, foreign language acquisition, speech errors, diary, Russian aristocracy

REFERENCES

1. Debrenne M. *Sopostavitelnyj deviatologicheskii analiz perepisannykh dnevnikov O.I. Davydovoy i pervychykh tekstov* [Comparative deviatological analysis of rewritten diaries by O. Davydova and the primary texts]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsia*. 2016. T. 14. Vol. 3. P. 59–75. (in Russ.)
2. Debrenne M. *Les erreurs de français des russophones*. Limoges: Lambert-Lucas, DL 2011. 1 vol. (165 p.)
3. Ivanova E.A. *Russkaya leksika kak istochnik popolneniya frantsuzskogo slovarya i diskursa XV–XX vv. (Sistemno-funksionalnyi aspekt)* [Russian lexical system as a source of replenishment of the French dictionary and discourse of the 15th–20th centuries. (System-functional aspect)]. Barnaul, 2003 [dissertation] (in Russ.)
4. Cherchba L.V. *Prepodavanie inostrannykh yazokov v shkole, obshie vopsrosy metodiki* [Teaching of foreign languages in secondary school, and General questions of methodology]. Moscow: Vysshaya shkola, 1974. (in Russ.)

Acknowledgments:

The work was carried out with the financial support of the Russian Foundation for the Humanities, project No. 16-24-08001.

Article history:

Received: 15.03.2017

Accepted: 26.05.2017

Moderator: O.A. Valikova

Conflict of interests: none

For citation:

Debrenne M. (2017) The French Language in the Diaries of Olga Davydova as a base for bilingual person's linguistic portrait. *RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*, 14 (3), 406–415. DOI 10.22363/2312-8011-2017-14-3-406-415

Bio Note:

Debrenne Michèle is a Doctor in Philology, docent, professor at Novosibirsk State University. E-mail: micheledebrenne@gmail.com